

Светлана Лаздина

«Наша заграница»

С Прибалтикой, особенно с Литвой и Латвией, и меня, и мужа связывает многое – родственники, друзья, работа.

В Вильнюсе был похоронен Иван Данилович Черняховский, на могилу которого в 1946 году ездили папа и бабушка, с заездом в Каунас. Положить цветы на могилу Ивана Даниловича я старалась каждый раз, бывая в Вильнюсе, обязательно сообщая об этом Анастасии Григорьевне.

После этой поездки бабушка (папин отец) подробно рассказал о Литве, о Вильнюсе и о городе Ковно (Каунас), где он родился, о детстве в Ковно, о своем доме на улице, которая пролегла между двумя реками Нерис и Неманис, которые сливались рядом, образуя одну реку Неманис (Неман). Рядом возвышался костел и монастырь монашеского ордена францисканцев (сегодня он принадлежит иезуитам). В Интернете можно открыть карту Каунаса, где виден треугольник, образованный слиянием рек и улицей, уже давно без бабушкиного дома.

В Риге жил папин двоюродный брат Федор Могилевский (капитан I ранга) с семьей. К дяде Феде, тете Тане, их детям Олегу и Ларе мы ездили с мужем много раз, а они соответственно к нам. Однажды, уже в 80-е, зашли к Ларе, она жила в центре Риги, рядом с кинотеатром «Рига». В прихожей полотер натирал паркетный пол, а в комнате у сестры паркет был совсем не идеальным. На наше удивление, сообщила, что это бывший хозяин дома, он же управдом, который поддерживает все и надеется снова стать хозяином. В 90-е годы его надежды оправдались, он купил для Лары однокомнатную квартиру за Даугавой и стал снова хозяином и квартиры, и дома.

Там же, в Латвии, в Майори (Юрмала) жили родные дедушки мужа – Петра Петровича Лаздина, которых мы обязательно проведывали при поездках в Ригу.

С 1968 по 1975 год я постоянно ездила в командировки на завод «Жальгирис», расположенный в Новой Вильне, – это 10 км от центра города, и Вильнюсский ЭНИИМС. Естественно, я знакомилась с городом, его культурой, людьми. Руководил совместной работой на заводе Семен Фраймович – кандидат технических наук. С Семеном и его женой Нелой мы подружились, много лет подряд ездили друг к другу в гости, даже после моего ухода из УкрНИИСИПа.

В Каунас я попала первый раз в 1969 году. Во время испытаний станка произошла поломка, и приемную комиссию повезли на экскурсию в Каунас. По дороге заехали в Тракай, осмотрели замок, полюбовались озерами. При въезде в Каунас я обратилась к организатору этой экскурсии с просьбой: можно ли посмотреть на место слияния Нериса и Немана, и если получится, побывать у монастыря, который там расположен. Мне пришлось рассказать о причине моего желания. Моя фамилия и рассказ о дедушке сделали меня «своей», меня приняли, мне доверяли, со мной велись очень непростые в те времена разговоры.

В Каунасе побывали в художественном музее имени Микалоюса Константинаса Чюрлениса. Необычным оказался зал с его картинами без окон (чтобы уберечь акварели от попадания света): все картины подсвечены и звучит его музыка. Послушали «Сонату солнца», получили брошюрку о Чюрленисе, а я купила альбом с его рисунками.

Еще одна достопримечательность Каунаса, куда нас повели, – это небольшой, какой-то квартирный музей чертей. Рассказали, что это единственный подобный музей в мире, созданный в 1966 году на основе личной коллекции художника Антанаса Жмуйдзинавичюса, который коллекционировал чертей, леших, ведьм и прочих существ. Планировал собрать чертову дюжину, то есть тринадцать чертиков. В результате собрал целых 20 дюжин, то есть 260 чертей всех мастей. Столько их и было, когда я там побывала. А на выходе продавали маленьких металлических чертиков, один из них сохраняется до сих пор в нашем доме.

Национальный художественный музей имени М.К. Чюрлениса

В Вильнюсе, в отличие от большинства городов Союза, всегда можно было поселиться в гостиницу, места почти всегда были. Обычно я жила в гостиницах «Вильнюс» или «Паланга». Однажды мест не было ни в одной гостинице города, и огорченный Сеня смог предложить Дом колхозника. Я чаще всего жила в отеле «Паланга», администратор которого порекомендовала мне тогда обратиться в отель «Драугисте» (draugyste – дружба) на ул. Чюрлениса, недалеко от дома, в котором жил Семен. Этот отель принадлежал «Интуристу», и в нем были свободные места. Администратор задал мне много вопросов, после чего внес мою фамилию в какой-то список, и я получила право селиться в номер 415, что я и делала много раз потом. Четвертый этаж – это номера люкс, кроме 415, который состоял из маленькой комнаты (с диваном, журнальным столиком и стулом), к которой примыкала комната для дежурной на этаже и душевая. Отель находился в парке, в нем было очень уютно и всегда стоял запах хвои.

Я поселилась в гостиницу около 8 часов вечера, очень хотелось есть. Этажная посоветовала мне подняться на 9 этаж в кафе. В кафе было пусто, я села за столик. Официантка предложила мне яичницу и кофе, почему-то чая не было. Я сидела спиной к двери, смотрела в окно. Вдруг ко мне обратились по-литовски, подняла голову и увидела Донатаса Баниониса. Ответила, что, к сожалению, знаю только два слова по-литовски. Он спросил разрешения сесть за мой стол и поинтересовался, какие слова я знаю. Знала я от бабушки два слова «ачю, гярэй – спасибо» и «рогас» – это название свадебного литовского пирога, который печется на вертеле. Дедушка приготовил этот пирог на мангале из теста, похожего на бисквитное, в день нашей с мужем скромной свадьбы на даче на Фонтане. Над мангалом приспособил горизонтальное веретено с ручкой. На стержень веретена он приспособил конус из жести, и на него медленно лил тесто, вращая стержень. Получилась вкусная «елка». Однажды я увидела такой пирог в каком-то кафе Вильнюса, и мне продали кусочек попробовать, бабушкин был похож, но, по моему, вкуснее.

Донатас долго смеялся, уж очень интересным, с его точки зрения, было сочетание этих слов. Мы разговорились. Оказалось, что он, как и мой дедушка, родился в Каунасе, там начал актерскую деятельность. Я об Одессе и Москве, о своем увлечении театрами, музыкой, музеями. Он – о театре в Паневежисе. Проговорили более часа и разошлись, закрывалось кафе. О своем театре он рассказывал с таким увлечением, с гордостью, интересными подробностями.

Постараюсь коротко повторить его рассказ, особенно то, что было необычным.

Паневежисский театр – Литовский драматический театр – был основан в 1940 г. на базе Каунасской театральной студии, которой руководил Ю. Мильтинис. Мильтинис не брал в театр профессиональных актеров, на паневежисской сцене играли его воспитанники. При этом строгого учебного плана в студии не существовало, как и определенного срока обучения: Мильтинис полагал, что разным людям необходимо разное время для овладения профессией. Утром учебно-профессиональные занятия, после обеда шли репетиции, для которых «этудный

метод» был обязательным. Но и во время репетиций в театре от актеров требовалось безоговорочное доверие и не допускались возражения. Для Мильтиниса была важна личность ученика, он много требовал, но и много давал.

В 1948 году при выезде на первые гастроли Мильтинис водил труппу по Ленинграду, рассказывая об архитектуре, считал обязательным просмотр лучших спектаклей Москвы и Ленинграда. Сам режиссер не только смотрел каждый спектакль своего театра, но и вел спектакли как помощник режиссера, позже давая советы каждому из актеров. Он умел делать в театре все, даже сам красил ткани для костюмов, считая, что в спектакле мелочей не может быть.

Маленький городок... Юозас Мильтинис не боялся, что зрители предпочтут его театру другой. Других театров в городе нет. А это означает еще и то, что не с кем спорить, не с кем соревноваться, не с кем дружить, не у кого учиться. Опасная для искусства замкнутость.

Известность пришла в театр случайно. Группа московских театральных критиков на пути из Вильнюса в Ригу заехала в Паневежис. В состав группы входила известный театральный критик Н. Крымова, которая и опубликовала хвалебную статью о театре Паневежиса в газете «Известия». Мнение столичной прессы оказалось определяющим, Мильтиниса начали хвалить – даже за то, за что ругали раньше. После этого на каждую премьеру в Паневежис отправляются автобусы театральных коллег из всей Прибалтики и не только.

Прошло пару дней, я после работы читаю, вдруг этажная Берта (мы с ней подружились) говорит мне: «К вам мужчина», – и улыбается. Я очень удивилась. Вошел Донатас. Он сообщил, что уезжает, принес мне приглашение в Паневежис на спектакль по пьесе Г. Ибсена «Гедда Габлер», в котором играл Тесмана. Обменялись адресами и телефонами. Я выразила надежду на встречу в Одессе.

В театр Паневежиса я попала только в 1972 году, в сентябре. Я предварительно созвонилась с Донатасом. Он очень четко объяснил, что и когда делать. Возле вокзала г. Вильнюса специальный автобус ждал театралов и вез в Драматический

театр Юозаса Мильтиниса в г. Паневежис на спектакль Г. Ибсена «Гедда Габлер». Ехали около двух часов. Дорога очень живописная.

Вот мои впечатления о театре и спектакле. Театр небольшой, помню только сцену. Театр меня поразил, игра – я такой еще не видела. Все просто, я бы сказала, даже аскетично. Пьесу Ибсена я прочитала дома в Одессе. Пьеса показалась мне неинтересной, страдания героини не вызывают сочувствия, а восторги Тесмана по поводу всяких мелочей быта непонятны, действие слишком растянуто, и все мрачно.

В постановке Мильтиниса все тоже просто, но мудро. Актерам позволено иногда жестом, взглядом, позой усилить или скорректировать текст пьесы, не меняя смысл. В спектакле Гедда Габлер (актриса Эугения Шулгайте) – это история не о том, как она не может принять мещанский быт и жизнь в нем. А о том, как страшно, когда и любовь, и творчество – всё мимо, и нет в твоей жизни никакого смысла. А тут еще беременность (в тексте только маленький намек, а на сцене – подчеркивание жестом) не по твоему желанию и воле – ты лишена на это права. И единственное решение, которое может принять Гедда, это исчезнуть, не мешать. А Тесман (Донатас Банионис), освободился, впервые забыв о ней, с головой уходит в работу – он вместе с Теа восстанавливает книгу Левборга, убитого Геддой. Они склонились над столом, объединенные чем-то неведомым, недоступным Гедде. Эта последняя сцена вызывает улыбку. Занавес, конец. По окончании спектакля занавес не поднимается для выхода актеров на поклоны – нельзя «испортить впечатления зрителя от спектакля».

Банионис тут же после спектакля пошел показывать мне город, который расположен на обоих берегах реки Невежис (приток Немана). Я поделилась впечатлением от спектакля. Он искренне радовался, что мне понравилось, что я все правильно поняла и оценила. Посмотрели красивый парк вдоль реки, на улицах встречаются небольшие скульптуры, много маленьких кофников. В одном из них попили кофе. И снова автовокзал, автобус на Вильнюс, попрощались. Лет десять подряд обменивались поздравлениями с Новым годом. Отправила два альбома об Одессе,

Площадь Лайсвес. Прямо драматический театр имени Юозоса Мильтиниса, справа памятник ему – руководителю, выдающемуся режиссеру и актеру

получила письмо с благодарностью. В Вильнюсе была еще в 1984 году, не дозвонилась.

На современном фото площадь Лайсвес (laisvès – свобода), 5а, где расположен театр. Но когда я его увидела, то за ним не возвышалась гостиница, а перед входом не было памятника Мильтинису.

Вот такая история.

Вильнюс. Еще два удивительных события подарила мне судьба в 1973 и 1974 годах.

12.06.1973 г. я приехала в командировку, поселилась в гостиницу «Драугисте», в «свой номер», поздоровалась с этажной Бертой. Она сообщила, что 13 вечером большой заезд, приезжает американский оркестр. Оркестр такой многолюдный, что разместится на трех этажах, в том числе и на нашем.

Утром в вестибюле гостиницы висела афиша «14 и 15 июня 1973 года в филармонии состоятся два концерта Симфонического

оркестра г. Сан-Франциско под управлением главного дирижера и художественного руководителя симфонического оркестра Сейжи Озава». Не стоит долго рассказывать, но 14 я, убедившись, что билетов нет, а барыги здесь не водятся, стала к окошку кассы часа за два до начала. Простояв более часа, оказалась первой. В это время какая-то пара предложила билеты на завтрашний концерт – я их купила. Кассир, милая женщина, разговорилась со мной, узнав, откуда я и почему здесь, пообещала что-нибудь придумать. За 5 минут до начала концерта к ней в кассу вошел мужчина и что-то ей сказал. Когда он вышел, она обрадовано сообщила, что есть 2 билета, за ними не пришли. Так я попала на концерт. Первый и последний раз сидела в первом ряду прямо под ногами дирижера, а рядом с опозданием села кассир. Я купила оба билета, но один оставила в кассе.

Два слова об улице, на которой расположена филармония.

Улица Аушрос Варту – старинная улица в Старом городе Вильнюса. На ней расположена Национальная филармония Литвы,

Литовская национальная филармония

куда в свободные вечера неоднократно ходила. Недалеко Острая брама – один из символов католичества, о котором читала у К. Паустовского и рассказывал дедушка.

Однажды зашла в этот костел, внутри величественный, с большим распятием и удобными стульями. Было пусто. У входа на стендах висело большое количество маленьких ног, голов, рук и т. д. Подошедший ко мне пастор все пояснил. Если хотите помолиться о здоровье своем или кого-либо из близких, покупаете «орган», который причина недуга, – и на стенд. Пастор, побеседовав со мной и выслушав просьбу увидеть чудотворный образ Матери Божией Остробрамской, проводил в часовню, и я провела несколько минут перед золотой иконой, при этом исполнила все его наставления.

Искренне благодарна моей бабушке за совет сохранять программки всех спектаклей и концертов, на которых побывала. Вот передо мной лежит программка величиной А4, на которой на фоне вечернего города и знаменитого моста написано: San Francisco Synphony Orchestra, Seiji Ozawa, Conductor&Music Director, 1973 Tour Europe/U.S.S.R. Все дальше на четырех языках (без русского) об оркестре, дирижере, солистах, в конце немного о Сан-Франциско, а на последней странице даты и города, в которых грядут концерты. Всего 19 городов с 15 мая по 21 июня (Франция, Германия, Швейцария, Австрия и СССР – Ленинград, Вильнюс, Москва). Три концерта в Ленинграде, два в Вильнюсе и четыре в Москве. Внутри есть программка Госконцерта СССР на русском об оркестре и дирижере, а в ней еще одна маленькая, напечатанная в Вильнюсе, в которой даты и программы концертов.

Первый концерт в Вильнюсе состоялся 14 июня.

Первое отделение: Лорен Раш (Loren Rush) – Симфоническая поэма «Небесный посланник»; Петр Чайковский. Концерт для фортепьяно с оркестром № 1.

Второе отделение: Бела Барток. Концертная сюита из балета «Чудесный мандарин».

Первое, что удивило, – это огромность оркестра. Второе – расположение инструментов в оркестре, которое сильно отличалось от советских оркестров (сейчас не отличается). Третье – количество

разных инструментов. На сцене кроме обычных инструментов было устройство, на котором висели куски рельсов, разные железки и колокола, несколько арф, несколько гитар и слева прижатый к стене рояль.

Л. Раш – американский композитор, современный, экспериментатор, который пытался внести в классическую музыку стили джаза. Начинаясь «поэма» небольшой мелодией на рояле, потом вступили арфы, далее началась такая какофония гитар, ударных, духовых, среди звуков которых услышать струнные было практически невозможно, хотя они играли. Периодически этот шум заглушали удары о рельсы. Закончилось все звоном колоколов и пассажами рояля и гитар.

После подготовки к музыке Чайковского оркестр преобразился в классический, рояль оказался в центре сцены, солист Андре Вотс (Andre Watts) исполнил концерт великолепно.

А теперь о дирижере. Сейжи Азава, о котором мы читали в журнале «Америка», – удивительный дирижер, складывалось впечатление, что он не дирижирует, а танцует и прыгает (сидела я прямо против дирижерского пульта), особенно при исполнении музыки Лорена Раша. Даже музыка Чайковского вызывала в нем много эмоций, но звучание оркестра было неповторимым. Тогда он уже был известен как выдающийся дирижер, соратник Леонарда Бернстайна. Одет он был в белую водолазку и черные брюки, небольшого роста, с лохматой головой.

Первый концертный день я запомнила на всю жизнь, он сильно отличался от нашей манеры исполнения, непривычная американская музыка, другой оркестр, удивительно звучащий рояль и такой дирижер.

Концерт 15 июня. Только одно отделение:

Чарлз Айвз – Симфония № 4.

Гектор Берлиоз – Фантастическая симфония.

Чарлз Айвз – было интересно снова прослушать американскую музыку начала XX столетия, проникнутую мелодиями кантри.

А музыка Берлиоза даже Сейжи Азаву вынудила дирижировать спокойно, и лишь изредка проявлять эмоции. Да и сидела

я значительно дальше, поэтому хорошо видела расположение инструментов в оркестре.

Не помню свое возвращение в гостиницу после первого концерта, хотя Сейжи Азава жил в номере люкс на том же 4-м этаже, как и часть оркестрантов. А после второго запомнила. Войдя в номер, я увидела рыдающую БERTУ, которая рассказала, что вчера ей отдали белые водолазки дирижера, она их постирала, высушила и отнесла в номер. А они их бросили в мусорную корзину, вроде они ей их подарили. Я стала успокаивать ее, ведь мы не знаем их нравов, и все забудется.

Вот так с высоты прекрасного на брнную землю.

После первого концерта утром на заводе я поведала свои впечатления, удивив всех моей настойчивостью. Они даже не помышляли попасть на концерт, все билеты были проданы давно и распределены, как всегда тогда, не тем. Нужно сказать о способности нас – одесситов – использовать любые возможности («лишние билеты», барыги, просьбы к администраторам, даже подкуп билетеров при входе), но попадать на интересные концерты и спектакли в любом городе Союза. На второй концерт я пригласила Нелу, чем привела в восторг Семена.

А после Вильнюса я должна была заехать по делам в Москву. Остановилась у друзей – Гали Макаровой и ее мужа, концертмейстера Большого театра Лени Базилевича. Леня с грустью сообщил, что в Москве на гастролях Сейжи Азава с оркестром, а попасть невозможно. Показала проспект и программку и все подробно описала. Можете представить реакцию.

Вот еще одна программка-проспект из Вильнюса.

1974 год, зима. Прилетела в Вильнюс, сразу на завод. Привезла документы на новую разработку. По дороге увидела афиши – открытие Национального оперного театра, нового здания, труппа «Сити Сентер Джоффри Балет» США.

Мой брат (Марк Артурович Орлов – известный московский архитектор, много работал с молодыми вильнюсскими архитекторами при строительстве нового района Лаздинай, его институт проектировал для этого района торговый комплекс – первый в Союзе супермаркет) много рассказывал мне о строительстве

здания театра. Особенный интерес вызывала акустика театра. Ее качество обеспечивал потолок, который был выполнен из плотно расположенных друг к другу и вертикально к потолку металлических трубочек разного диаметра.

После работы поехала к театру – касса закрыта, обратилась на первом этаже к администратору, рассказала, откуда я и почему так хочу посмотреть театр. Милая женщина объяснила, что она бессильна. Вопрос может решить только директор. Нужно подняться на второй этаж. Поднимаюсь вдоль стоящих на лестнице людей, хочу посмотреть, где же кабинет директора. Подхожу, открывается дверь, выходит статный мужчина, останавливается рядом со мной, по-литовски вызывает несколько пар по бумажке, кладет левую руку мне на плечи и заводит в кабинет (уверена, не без участия милой женщины – администратора, никакие другие мысли в голову не приходят). Сажусь в самый дальний уголок, больше всего боюсь, что заговорю по-русски, и он меня выпроводит. После ухода всех обращаюсь только с одной просьбой – посмотреть театр и уйти. Он помогает снять шубу, улыбается и приглашает в директорскую ложу. Немаловажно еще, что открытие театра совпало с гастролями труппы «Сити Сентер Джоффри Балет» в СССР. Об этом балете и Роберте Джоффри мы тоже читали в журнале «Америка». Почему-то запомнилось, что в труппе нет разделения на солистов и кордебалет, двери открыты для балетмейстеров всех направлений, и в труппе имеется балет толстушек. В моей программке – фото всех руководителей, балетмейстеров, балерин и танцоров, представлены фото и краткое описание 13-ти одноактных балетов, где чередуется классика и современный американский балет. Все 13 одноактных балетов были исполнены. Очень интересно было видеть «Нью-Йоркский экспорт, опус Джаз» в постановке Д. Роббинса из мюзикла «Вестсайдская история».

В антракте я стала осматривать театр. В театре 1141 место. Потолок действительно состоял из трубочек разных диаметров. Поразила роскошь и современность фойе. На всех этажах в центре фойе были расположены овальные стойки – бары, стойки – кафе. Много цветов, кресел, пуфов. Мягкие дорожки на лестницах.

Литовский национальный театр оперы и балета

Очень оригинальное освещение, оригинальные люстры. Главный северный фасад здания театра обращен к реке Нярис. Внешне наш одесский театр оперетты похож на вильнюсский оперный, но меньше и скромнее внутри.

После спектакля директор сразу куда-то умчался, шуба моя осталась у него в кабинете. Мне ничего не осталось, как снова осматривать театр, я была не одна, многие не расходились, осматривали и восхищались. Пошла попила кофе, еще раз осмотрела потолок. Не помню расположения балконов по боковым стенам. Наконец появился директор, извинился. Забрала шубу, обменялись адресами. И только тут я поняла, что передо мной – Виргилиус Норейка. Я слушала его в Большом в моей любимой опере «Травиата». Официально художественным руководителем и директором театра Виргилиус стал в 1976 г., по 1991 г., а тогда он был и. о. Поздравляли регулярно друг друга с праздниками. Встретились только через 10 лет в Одессе, приехал с женой. Позаботились об отдыхе, побывал в нашем театре, был очарован Одессой.

Еще хочу сказать, что в Вильнюсе всегда в книжных магазинах было много разных книг – поэзия, альбомы, подписные издания и т. д.

Много еще всего связано с этими свободными теперь странами. А в те уже далекие времена отношение на бытовом уровне часто было враждебным, особенно к русскому. Честно признаюсь, часто в магазинах, чтобы не услышать в ответ на просьбу купить что-либо «су талонас» – все по талонам, спрашивала украинською, и это помогало решать разные проблемы.

